

## ОБ АНТРОПОЛОГАХ И ЛЮДЯХ

РЕЦ. НА: BRINGA, T., BENDIXSEN, S. (Eds.). (2016). *ENGAGED ANTHROPOLOGY: VIEWS FROM SCANDINAVIA*. LONDON: PALGRAVE MACMILLAN.

ВЛАХОВ АНДРИАН<sup>[1]</sup>

✉ AVLAKHOV@GMAIL.COM

<sup>[1]</sup>Высшая школа экономики, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Влахов, А. (2019). Об антропологах и людях (Рец. на: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged Anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan). *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 438–449. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-438-449.

## OF ANTHROPOLOGISTS AND PEOPLE

A REVIEW OF: BRINGA, T., BENDIXSEN, S. (Eds.). (2016). *ENGAGED ANTHROPOLOGY: VIEWS FROM SCANDINAVIA*. LONDON: PALGRAVE MACMILLAN.

ADRIAN VLAKHOV<sup>[1]</sup>

✉ AVLAKHOV@GMAIL.COM

ORCID: 0000-0003-1638-5737

<sup>[1]</sup>HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

Vlakhov, A. (2019). Of anthropologists and people. A review of: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged Anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan. *Urban Folklore & Anthropology*, II(3–4), 438–449. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-438-449. (In Russian).

Время от времени в академических публикациях можно встретить риторический ход, который многие коллеги уже считают неспортивным, — указание на то, что определенную идею или понятие чрезвычайно трудно перевести с одного языка на другой без потери оттенков смысла; обычно такую неперебиваемость отождествляют с новизной или даже революционностью идеи, которая потом провозглашается краеугольным камнем новой теории. Как можно догадаться, далеко не всегда дело обстоит действительно так — часто проблема неперебиваемости решается несколькими дополнительными уроками иностранного или родного языка; однако во многих случаях проблема перевода (особенно в случае таких ключевых понятий современных социальных наук, как *identity*, *agency* и др.) становится действительно важной.

Сборник *Engaged Anthropology* ставит читателя в подобную ситуацию с самого начала — само центральное понятие книги, выраженное в ней английским словом *engaged*, требует вдумчивого анализа. Редакторы сборника посвящают разъяснению своего понимания этого термина большую часть введения (с. 1–8), где перечисляют несколько выражений, так или иначе связанных с выходом антропологической науки за рамки академии. В их числе в первую очередь термин *public anthropology* — под ним понимают непосредственное участие антропологов в обсуждении социальных процессов, вызывающих разногласия в обществе, и принятии решений по этим вопросам [Borofsky 2000], а в более радикальных версиях [Cox 2009: 53, Beck 2009: 3] — еще и непосредственное вовлечение представителей изучаемых сообществ в исследовательскую деятельность и совместное производство знания (*co-production of knowledge*). В этих концепциях антропологи в силу самой специфики науки становятся публичными фигурами и проводниками социальной справедливости, а антропология — движущей силой социальных изменений.

Другие авторы [Besteman 2010], впрочем, проводят грань между *public* и *engaged anthropology*, подчеркивая, что наука далеко не обязательно должна приобретать черты активизма и что вполне возможна полноценная прикладная работа с сообществами (и в них), нацеленная на улучшение их жизни и повышение социальной справедливости, однако не ставящая своей основной целью публичные выступления и участие в общественно-политических событиях. Наконец, существует также понятие *applied anthropology*, традиционно трактуемое как сотрудничество антропологов с государственными органами и коммерческими компаниями для разработки разнообразных концепций развития и трансформации общественного порядка (к примеру, внедрение стратегий устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности). Эта область традиционно лучше всего развита в США, однако играет большую роль и в Северной Европе в результате активной прикладной деятельности самого, пожалуй, известного скандинавского антрополога — Фредрика Барта, долго и плодотворно сотрудничавшего с норвежскими органами власти в области разработки социальной политики [Nilsen 2003].

Редакторы рецензируемого сборника, осознавая и признавая сложившуюся терминологическую сложность, делают, пожалуй, единственно правильный шаг — а именно сразу же указывают (с. 6–7), что их понимание *engaged anthropology* включает в себя все перечисленные аспекты и что речь в сборнике пойдет как о публичной роли антрополога в обсуждении общественных проблем (вплоть до судебных процессов), так и о включенной работе в сообществе и о прикладных корпоративных проектах. Поэтому они указывают (с. 8), что как в обществе, так и среди исследователей [Beck, Maida 2015, Eriksen 2006], существует и в последние годы возрастает запрос на вовлечение антропологов — как специалистов по устройству общества и культуры — в жизнь самого этого общества, и тем самым обосновывают актуальность и новизну рецензируемого сборника. Грань между описанными аспектами — по крайней мере, в

скандинавских обществах — действительно чрезвычайно размыта, и довольно часто антрополог, выходя за порог академического заведения, оказывается вовлечен и в активизм, и в разработку политических стратегий (*politicymaking*), и в жизнь больших корпораций, а также в просветительскую работу и распространение научного знания. Само понятие *engaged anthropology* в рамках этого издания, таким образом, можно перевести как «вовлеченная антропология» — с обязательным упоминанием того, что пределы и направление такого вовлечения могут быть сколь угодно широки и разнообразны.

Конечно же, для появления и развития вовлеченной антропологии требуются определенные условия, о чем идет речь на с. 8–10. В числе таких условий редакторы выделяют три основных — масштаб, социальный порядок в обществе и финансирование исследований. В контексте Северной Европы, по мнению редакторов, выполняющий все три условия: население всех скандинавских стран сравнительно невелико (а значит, усилия исследователей могут довольно быстро достигнуть цели), в них существует значительный общественный запрос на социальную справедливость и всеобщее равенство, а организация политической и экономической жизни такова, что исследовательская деятельность является одной из приоритетных отраслей и потому щедро поддерживается государством и бизнесом. Все это вкупе с проницаемостью границы между наукой и обществом создало в Скандинавии, по мнению составителей, благодатную почву для развития вовлеченной антропологии.

Здесь мне как человеку, относительно близко знакомому с устройством скандинавского общества, хотелось бы развить мысль редакторов сборника и выделить еще несколько причин того, почему именно в скандинавских странах вовлеченная антропология в принципе оказывается возможной и даже преуспевает. Во-первых, важную роль играет общий уровень доверия общества (и академических кругов в том числе) к власти. Так, в более привычном нам российском контексте многие ученые, в особенности представители гуманитарных и социальных наук, считают любое сотрудничество с органами власти недопустимым и пятнающим честь исследователя — отчасти это связано с историей развития отечественной науки, а отчасти со спецификой процессов принятия решений в области государственного управления (где эксперты-ученые привлекаются для консультаций, как правило, только в рамках разнообразных общественных и экспертных советов, где их роль в целом сведена к декоративной). Представление о принципиальной беспристрастности ученого распространяется и на негосударственную сферу — стигматизироваться может также и сотрудничество с бизнесом: автору этих строк, к примеру, доводилось отвечать коллегам на вопрос, каково это — продаться добывающей корпорации, финансировавшей проведение исследования. Представление о том, что деятельность ученого может, во-первых, быть принята властью и иными крупными акторами всерьез, во-вторых, повлиять на их конкретные решения, должно быть широко распространено в обществе, как это и происходит в Скандинавии; в таком случае шанс на успех получает и деятельность антропологов.

Помимо этого, важную роль играют распространённые в скандинавской культуре «государства всеобщего благоденствия» ценности коллективизма (в популярной культуре часто выражаемые в форме т. н. «закона Янте» – *Janteloven*, о чем см., например, [Avant, Knutsen 1993: 450–451]). Традиции коллективного обсуждения общественных проблем и процессов в странах Северной Европы развиты крайне сильно, и исследовательская деятельность здесь не является исключением: практически всегда обязательными элементами любого проекта в области социальных наук, предполагающего полевое исследование, являются публичные слушания, презентации результатов, максимальное вовлечение сообщества и т. д. Публичная роль ученого в этом контексте предопределяется локальной традицией: чтобы достичь решения проблемы, требуется в первую очередь ее коллективно обсудить, и только участник подобного обсуждения (в том числе исследователь) получает в глазах сообщества право на легитимные суждения о ситуации и путях ее развития. Такая характерная особенность скандинавского социокультурного ландшафта, конечно же, не является универсальной, поэтому успешное развитие вовлеченной антропологии, вовлечение сообщества для которой является ключевым фактором, в культурах иного типа требует значительно больших усилий (и зачастую разбивается о суровую реальность).

Наконец, нельзя не отметить роль и специфику активизма в скандинавских обществах (и, видимо, в западноевропейских обществах в целом). Как легко догадаться, социальный активизм в этих контекстах является не общественно порицаемой деятельностью, ассоциируемой с молодежью и маргинальными группами (что характерно для многих обществ другого типа, где активизм может быть наказуем), а вполне обычным и положительно воспринимаемым явлением, опыт которого есть у большинства жителей этого региона. Вследствие этого граница между наукой и активизмом становится крайне проницаемой, и один и тот же человек вполне может совмещать обе эти роли, актуализируя различные идентичности в зависимости от ситуации. Это приводит нас к старой дискуссии о субъективности/объективности антропологического описания и о праве ученого на субъективное мнение в принципе; в культурах, где доминирует представление о том, что ученый должен быть объективен, занятие исследователей активистской деятельностью (а иногда даже и просветительской) может осуждаться как внутри академического сообщества, так и в обществе в целом.

Подводя итог столь пространному отступлению, я должен отметить, что подобный кросскультурный анализ (не претендующий, естественно, на полноту) очень пригодился бы в рецензируемом сборнике. В самом деле, довольно странно видеть описание локального скандинавского контекста без попытки сравнить его с другими культурами и описать, чем отличается функционирование вовлеченной антропологии в Скандинавии от ее функционирования в других контекстах. Точнее, такая попытка предпринимается (с. 10, 13), однако скандинавский ландшафт сравнивается с американским, типологически мало чем от

него отличающимся; в таком случае остается не вполне ясным, в чем специфика именно скандинавской вовлеченной антропологии по сравнению с ее аналогами в других развитых западных странах (если таковая вообще имеется). Кажется, подобный просчет могли допустить представители любой другой науки, но только не антропологии, задача которой и состоит в анализе культурной специфики и разнообразия; этот недостаток снижает впечатление от сборника в целом.

Однако вернемся к содержанию рецензируемого издания. Как можно догадаться, статьи, входящие в него, практически не связаны общими темой и материалом (сборник не является результатом какого-либо исследовательского проекта, а издан по итогам секции на конференции Американской антропологической ассоциации); скорее это набор *case study* по различным направлениям вовлеченной антропологии, объединенных лишь тем, что события каждого из этих случаев происходили в одной из трех скандинавских стран — Дании, Швеции и Норвегии. Нельзя не отметить, что такой территориальный выбор все же не является бесспорным — культурное пространство Северной Европы/Скандинавии более широко, нежели эти три государства (см. об этом, например, в моей статье [Влахов 2014: 155–156]), и дополнительный материал для сравнительного анализа из, скажем, Финляндии или Исландии мог бы оказаться полезен сборнику — к примеру, в контексте изучения коренных и локальных сообществ и их прав. В целом, как и в любом сборнике подобного рода, не приходится говорить о каком-то общем исследовательском вопросе всего издания, так как его существование и не предполагалось изначально; вместо этого поговорим подробнее о конкретных статьях, составляющих этот сборник.

Открывает его основную часть статья (гл. 2) одного из редакторов сборника, Туны Бринги (Tone Bringa), посвященная работе антрополога в условиях военного конфликта, а также в зале судебных заседаний; она основана на полевой работе и личном опыте автора, на протяжении нескольких десятков лет работавшей с боснийцами (как в самой Боснии, так и в эмигрантских сообществах). Бринга делится опытом того, как ее деятельность помогла в защите прав членов этого сообщества сначала в зоне и во время военных действий, а затем в американском суде; на этих примерах она подчеркивает важнейшую, по ее мнению, роль антрополога в подобных контекстах — демонстрировать неспециалистам разнообразие культурных практик и защищать право каждой группы на ее собственную культуру, а также бороться со стереотипами и заранее сформированными мнениями. Антрополог, по мнению Бринги, должен обязательно уметь передать свое экспертное знание о других культурах не-экспертам (с. 24–25), и следующие поколения антропологов обязаны развивать этот навык в себе с самого начала карьеры. Автор подчеркивает, что антропологи обладают тремя важными конкурентными преимуществами: они по определению эксперты в вопросах культурного разнообразия, в вопросах сравнения культур (и вообще любых явлений) между собой, а их знание проистекает из непосредственного наблюдения событий и зачастую участия в них. Свое высказывание

(следует признать, довольно сильное) Бринга завершает мыслью о том, что роль и смысл существования вовлеченного антрополога во многом заключается в том, чтобы призывать любые стороны в любой ситуации к гуманизму и уважению прав любого сообщества на свою культуру.

Во многом совпадает в настроении с этим высказыванием и автор следующей главы, Шахрам Хосрави (Shahram Khosravi, гл. 3). Его текст построен в первую очередь на анализе собственного гражданского и исследовательского опыта (автор — иммигрант из Ирана, много лет живущий в Швеции и не понаслышке знающий, что значит быть представителем этнического меньшинства). Основная идея, предлагаемая Хосрави, состоит в том, что распространение антропологического знания должно перейти в иные дискурсивные среды, нежели сейчас. Автор фокусируется на двух таких средах; первая из них — «уличная академия» (*street academia*), а именно донесение антропологического знания до тех, кто нуждается в нем больше всего (беженцы, мигранты, просители убежища и др.), в местах их обитания — другими словами, антропология должна сама прийти к тем, кого изучает и кому в первую очередь требуются ее прикладные результаты, и обеспечить устойчивую смычку между исследователями и исследуемыми (а также, среди прочего, со средствами массовой информации, деятельность которых Хосрави во многом критикует). Вторая среда, о которой он говорит, — автоэтнография (*auto-ethnography*), понимаемая не только конвенционально — как метод исследования, но также как литературный жанр, в котором переплетаются мысли, ощущения и мотивации исследователя и исследуемых. Собственный (во многом травматичный) опыт становится для Хосрави основой для жесткой критики неолиберального порядка, определяющего лицо современной академической антропологии; по его мнению, во все более характерных для скандинавских обществ неолиберальных рамках наука теряет способность критиковать общественный порядок, и именно поэтому антропологи обязаны как можно больше заниматься вовлеченной наукой, чтобы противостоять изменениям. Довольно жесткая и прямолинейная форма, в которую автор облакает свое мнение, заслуживает уважения, хотя нельзя не отметить, что во многих хорошо знакомых нам культурах процесс неолиберальной трансформации, видимо, достиг своей финальной фазы, в то время как в шведском контексте простор для вовлеченной работы антрополога по-прежнему широк, что на полях отмечает и сам автор.

Три следующие главы (4–6) обнаруживают тематическую связь — во всех них идет речь об отношениях антропологов с журналистами и экспертной роли ученого в обществе и в медиа. В этот момент большинство людей, идентифицирующих себя как антропологов, скорее всего, тяжело вздохнет — практически каждый исследователь имеет негативный опыт взаимодействия с журналистами. С моей точки зрения, это легко объяснить тем, что журналисты и антропологи занимаются одним и тем же делом (и даже одними и теми же методами — достаточно вспомнить наши общие рабочие инструменты: диктофон, блокнот и фотокамеру),

однако с диаметрально противоположными целями. Журналистов жизнь людей интересует, как правило, до момента, пока обнаруженные факты остаются свежими и непривычными (а следовательно — интересными широкой публике), работа антрополога же нацелена на максимально глубокое погружение в эти факты и их доскональный анализ. Взаимная подозрительность (и нежелание быть спутанными друг с другом) между двумя профессиями стала основанием для трех личных историй, рассказанных в этих трех главах. Гарби Шмидт (Garbi Schmidt, гл. 4) имела травмирующий опыт взаимодействия со СМИ, исказившим результаты ее исследования, и по следам этого происшествия пересмыслила свое отношение к распространению результатов исследования, перестав взаимодействовать с медиа. Шмидт подчеркивает: несмотря на то, что эта проблема характерна для любой науки, антропологи, пожалуй, наименее защищены от подобного отношения, так как их исследования зачастую касаются чувствительных и политизированных тем — что и случилось с самой Шмидт, исследовавшей мигрантские сообщества и политику мультикультурализма в Дании. Она подчеркивает, что подобное отношение к антропологическим исследованиям зачастую определяется политическим контекстом: в обществе возникает скептицизм по отношению к методам исследования и способности антропологов рассматривать культурные феномены объективно. Общий вывод Шмидт, впрочем, не содержит столь же сильного политического высказывания, как две предыдущие главы: она призывает к созданию профессиональных форумов для обсуждения этих проблем и даже в какой-то степени предлагает ученым вернуться в башню из слоновой кости; впрочем, видимо, острота пережитых событий дает автору право на такую позицию.

В следующей главе Микаэль Куркиала (Mikael Kurkiala), представляющий исследовательское подразделение Церкви Швеции, на личном опыте иллюстрирует всю сложность и неоднозначность позиции исследователя, вовлеченного в публичный дискурс о вопросах культуры. Куркиала рассказывает о своем участии в громкой публичной истории об «убийстве чести», произошедшем в 2002 году в Швеции, когда Фадиме Шахиндал, молодая мигрантка курдского происхождения, была убита собственным отцом за отказ выйти замуж по расчету. Куркиала был единственным антропологом в Швеции, публично высказывавшимся по этому поводу, и в итоге был обвинен в прессе в культурном расизме. Он указывает, что практически любое высказывание специалиста на столь чувствительные темы, как миграция, политика мультикультурализма, интеграция меньшинств и проч., гарантированно порождает конфликты и скандалы, что делает такие высказывания, несмотря на их необходимость, чрезвычайно сложными. Даже само обсуждение культурных и религиозных меньшинств, по его мнению, конструирует и подчеркивает их инаковость — и с этим мнением трудно не согласиться (об этом также идет речь в [Eriksen 2006: 72–76]). Куркиала предупреждает всех коллег, занимающихся подобными вопросами, о непредсказуемости хода публичного обсуждения, о том, что оно часто превращается в публичное осуждение, а также о краткосрочности

общественного внимания к спорным вопросам — и об опасности оказаться один на один с разгневанным сообществом после того, как публика насытится историей и забудет о ней.

Один из наиболее известных ныне живущих скандинавских антропологов, Томас Хюллан Эриксен (Thomas Hylland Eriksen), в своем тексте (гл. 6) во многом вторит мыслям Гарби Шмидт и делает попытку обобщить представление о роли антрополога в скандинавском обществе. По его мнению, работа вовлеченных антропологов в Норвегии (как уже было сказано, традиции такого вовлечения в этой стране богаты и обширны) со временем становится все сложнее; анализируя опыт своих предшественников, Эриксен приходит к выводу, что из-за усиливающейся враждебности общества к мигрантам теперь в Норвегии многие воспринимают антропологов как наивных глупцов-релятивистов, а после терактов Андерса Брейвика (2011 год) — даже как предателей общественных ценностей. Эриксен отмечает, что после неоднократных столкновений с общественным мнением ушел из публичного поля, и агитирует коллег заниматься скорее «наукой ради науки», нежели публичной деятельностью. Впрочем, не так давно автору этих строк довелось слышать выступление Эриксона на одной междисциплинарной конференции, где тот самоотверженно доказывал геофизикам, океанографам и прочим «настоящим ученым» важность социальных наук для полноценного понимания одного из регионов Земли, и никакой разочарованности в публичной деятельности заподозрить в его докладе было нельзя; по-видимому, потребность взаимодействовать с широкой публикой является одной из базовых потребностей для практически любого антрополога, а зачастую также воспринимается коллегами как моральная обязанность (с. 116–117).

Последние три главы сборника посвящены прикладным исследованиям в интересах органов власти, бизнеса и международных организаций. В то время как вовлечение антропологов в подобные проекты часто оказывается не столь заметным обществом, оно может оказывать не меньшее, а зачастую и большее влияние на социальные процессы и социальный порядок, чем публичные выступления. Авторы вновь подчеркивают, что традиции такого сотрудничества в Скандинавии имеют давнюю и богатую историю, и последовательно анализируют три разных аспекта, в которых мнение антропологов оказывалось в той или иной степени важным для тех, кто принимает решения. В седьмой главе Сири Ланге и Инге Тведтен (Siri Lange and Inge Tvedten) делятся опытом многолетней консультационной деятельности в вопросах помощи странам «третьего мира», где подходы европейских финансовых доноров в вопросах гендерного равенства и прав меньшинств зачастую идут вразрез с местными традициями и практиками. Авторы фокусируются на роли антропологов, которые должны обеспечить успех всего предприятия, и указывают на два возможных ограничения, требующие преодоления: несовпадение языков (то есть терминологических систем), на которых говорят различные стороны процесса, и необходимость совмещать этнографическую точность с формальными требованиями



финансирующих организаций. Они подчеркивают, что в такой ситуации для антрополога оказывается чрезвычайно важным навык перевода «с научного на деловой» язык (как, впрочем, и в большинстве других ситуаций).

В отличие от Ланге и Тведтена, описывающих адаптацию антрополога к заданной рамке, автор восьмой главы Эдвард Видинг (Edvard Hviding) анализирует прямо противоположную ситуацию — возможность антрополога напрямую влиять на формирование подобных рамок. Такая заманчивая перспектива открылась перед автором во время работы в одном из исследовательских консорциумов, когда ему представилась возможность донести до Еврокомиссии и Европарламента точку зрения антропологов на глобальное изменение климата. Видинг анализирует привилегированность (скандинавское происхождение и удаленность от глобальных конфликтов) собственной позиции, позволившей ему добиться успеха, и подчеркивает, что отдельным представителям антропологической науки в силу тех или иных внешних причин оказывается легче достичь успеха в переговорах с policy-makers. Очевидно, что в силу сказанного опыт Видинга не может быть признан универсальным (автор и сам признает это), однако реальная иллюстрация того, как антропологи могут оказать прямое воздействие на формирование стратегий по важным глобальным вопросам, следует считать важной иллюстрацией того, на что теоретически может быть способна вовлеченная антропология.

Наконец, последняя глава книги, написанная Гюннармом Сёрбё (Gunnar Sørbø), возвращает читателя к истокам современной скандинавской социальной антропологии — к прикладной деятельности Фредрика Барта и его последователей в Судане. Сёрбё анализирует вклад Барта и других коллег в миротворческую деятельность и переговорный процесс в регионе: активная деятельность антропологов началась еще в середине XX века и переросла в полноценное сотрудничество с местными учеными, а также норвежскими и локальными властями. Такое сотрудничество, основанное на непосредственном этнографическом наблюдении этнических конфликтов и региональных идентичностей, оказалось успешным и помогло предотвратить несколько новых столкновений; Сёрбё, однако, подчеркивает, что, помимо его очевидной социальной значимости, вовлечение антропологов в решение реальных проблем обеспечило важный теоретический прогресс в самой науке антропологии — ведь не нуждающаяся в представлении работа «Этнические группы и границы» стала прямым следствием прикладной работы Барта с суданским кейсом.

Попытки обобщить впечатление от сборников подобного рода, где каждая статья скорее является case study, а общая методологическая или хотя бы терминологическая рамка отсутствует, — неблагоприятное занятие. Отдельные положения в конкретных главах, конечно же, могут быть оспорены с фактической или методической точек зрения, однако общее представление о скандинавском ландшафте вовлеченной антропологии этот сборник, несомненно, формирует. Предпринятую составителями

книги попытку объединить несколько направлений исследований под единым зонтичным термином *engaged anthropology* я скорее склонен признать удачной: все тексты сборника тем или иным образом связаны с проблемой роли антрополога в обществе и их взаимодействия, и хотя речь в разных статьях идет о явлениях разного масштаба (от личных историй до глобальных процессов), в целом сложность и многогранность такого взаимодействия эти тексты иллюстрируют практически со всех возможных сторон. Пожалуй, недостаточно данных в книге об одном аспекте вовлеченной антропологии — взаимодействии антропологов с бизнесом и корпорациями (проблема в последние годы приобретает в регионе особую остроту в контексте новых индустриальных проектов), и включение в сборник текста подобной проблематики обогатило бы его содержание. Однако, судя по всему, как минимум в скандинавском контексте, где гражданское общество представляет собой важнейшую общественную ценность, а государственное управление имеет ярко выраженную социальную направленность, вовлечение (*engagement*) действительно является неотъемлемой частью деятельности антрополога, а любая антропология становится вовлеченной по определению.

Собственно, основной вопрос, остающийся после прочтения сборника, — это уже обсуждавшаяся проблема применимости скандинавского опыта к другим контекстам. Выше я уже говорил о том, какова, по моему мнению, специфика скандинавских обществ и почему роль (и видимость) антрополога в этом контексте зачастую оказывается важнее и выше, чем в иных культурах; часть текстов этого сборника иллюстрируют историю зарождения и эволюцию текущей ситуации. Однако не вполне ясно, попросту говоря, «что это дает миру». С определенной степенью уверенности мы можем говорить, что скандинавские стратегии могут быть применены к другим западным обществам сходного типа, однако будут ли они работать в иных культурах? Возможна ли вообще вовлеченная антропология, к примеру, при авторитарных режимах или в других религиозных контекстах?

Конечно же, имеющиеся тексты вряд ли способны дать ответ на такой вопрос (хотя, вероятно, Сёрбе не согласится с этим утверждением), однако возможность трансляции опыта могла бы стать темой следующего издания, тематически перекликающегося с рецензируемым сборником, или хотя бы заключения к этой книге, которого в ней, следует признать, ощутимо не хватает. Кажется, как минимум некоторые паттерны, описанные в книге (например, реакция публики на чувствительные темы у Куркиалы и у Эриксона), претендуют на универсальность, а потому заслуживают обсуждения в применении к иным культурам. Я уже не говорю о разработанных скандинавскими антропологами стратегиях взаимодействия с обществом и властью, которые во многих государствах мира их коллегам могут только сниться, — в этом случае обсуждение накопленного опыта может помочь развитию дисциплины в новых локальных контекстах.

Остается открытым также вопрос о том, каковы специфические инструменты вовлеченной антропологии (если они в принципе

существуют). Всех антропологов учат базовым методам дисциплины — наблюдению, интервью и др.; однако как модифицируются эти методы и возможны ли какие-либо иные в том случае, если антропологическая деятельность позиционируется как вовлеченная? Частично ответ на этот вопрос дает Хосрави, предлагающий в целях вовлечения несколько методик собственного изобретения, однако их универсальная применимость остается под вопросом. Успешный опыт скандинавских коллег во взаимодействии с властью и с гражданским обществом заставляет требовать от авторов сформулировать собственные рекомендации в отношении того, что именно обеспечивает успех вовлеченного исследования, и подобные рекомендации могли бы стать важным продолжением этого сборника.

Напоследок позволю себе пару частных наблюдений. Во-первых, невозможно не отметить особенную прелесть антропологии как науки — это одна из немногих дисциплин, представители которой оказываются способны к качественной и подробной методологической рефлексии, каковую читатель имеет счастье наблюдать в рецензируемом сборнике; представить себе подобное издание, написанное, скажем, математиками, значительно сложнее. Нельзя исключать, впрочем, что именно скрытая тяга антропологов к самоанализу (автоэтнографии) и потребность в зачастую публичной психотерапии во многом и становится основой для занятий вовлеченной антропологией.

Во-вторых, в самом конце не могу не процитировать слова Томаса Эриксона из шестой главы этого сборника: «Возможно, антропология и не способна спасти мир, однако она увеличивает нашу способность быть человечным и потому слишком важна, чтобы принадлежать одним лишь антропологам» (с. 117). Трудно не согласиться с таким глубоким гуманистическим утверждением, особенно если называешь себя антропологом; однако опыт взаимодействия с коллегами по цеху подсказывает, что иногда мы берем на себя слишком большую ответственность за спасение человечества и слишком активно призываем к высоким целям и ценностям. Хочется надеяться, что в будущем сможет существовать в том числе и не столь вовлеченная антропология — хотя бы ради того, чтобы сами антропологи могли бы где-нибудь немного передохнуть от вовлеченности.

## Литература

- Влахов, А. В. (2014). Региональная идентичность в российской части Баренцева Евро-Арктического региона. В Е. Белокурова, М. Ноженко (Ред.). *Сделано в Европе: взгляд российских исследователей*. Т. 2: *Идентичности в Европе и России*, 151–190. СПб.: Норма.
- Avant, G. R., Knutsen, K. P. (1993). Understanding cultural differences: Janteloven and social conformity in Norway. *ETC: A Review of General Semantics*, 50(4), 449–460.
- Beck, S., Maida, C. A. (Eds.). (2015). *Public anthropology in a borderless world*. New York: Berghahn Books.
- Beck, S. (2009). Introduction: Public anthropology. *Anthropology in Action*, 16(2), 1–13.

- Besteman, C. (2010). In and out of the academy: Policy and the case for a strategic anthropology. *Human Organization*, 69(4), 407–417.
- Borofsky, R. (2000). Public anthropology. Where To? What Next? *Anthropology News*, 41(5), 9–10.
- Cox, A. (2009). The black light project and public scholarship: Young black women perform against and through the boundaries of anthropology. *Transforming Anthropology*, 17(1), 51–64.
- Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg.
- Nilsen, F. S. (2003). *Building anthropology: A historical sketch of the formative years of anthropology in the Nordic countries. Lecture at the Conference "Defining ourselves: Establishing anthropology in the Baltic States"*. Vilnius, 2–5 October 2003. Retrieved from [http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen\\_F\\_S\\_06.htm](http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen_F_S_06.htm)

## References

- Vlakhov, A. (2014). Regional identity in the Russian part of the Barents Euro-Arctic region. In E. Belokurova, M. Nozhenko (Eds.). *Made in Europe: The view of Russian researchers. Vol. 2: Identities in Europe and Russia*, 151–190. St. Petersburg: Norma. (In Russian).
- Avant, G. R., Knutsen, K. P. (1993). Understanding cultural differences: Janteloven and social conformity in Norway. *ETC: A Review of General Semantics*, 50(4), 449–460.
- Beck, S., Maida, C. A. (Eds.). (2015). *Public anthropology in a borderless world*. New York: Berghahn Books.
- Beck, S. (2009). Introduction: Public anthropology. *Anthropology in Action*, 16(2), 1–13.
- Besteman, C. (2010). In and out of the academy: Policy and the case for a strategic anthropology. *Human Organization*, 69(4), 407–417.
- Borofsky, R. (2000). Public anthropology. Where To? What Next? *Anthropology News*, 41(5), 9–10.
- Cox, A. (2009). The black light project and public scholarship: Young black women perform against and through the boundaries of anthropology. *Transforming Anthropology*, 17(1), 51–64.
- Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg.
- Nilsen, F. S. (2003). *Building anthropology: A historical sketch of the formative years of anthropology in the Nordic countries. Lecture at the Conference "Defining ourselves: Establishing anthropology in the Baltic States"*. Vilnius, 2–5 October 2003. Retrieved from [http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen\\_F\\_S\\_06.htm](http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen_F_S_06.htm)